

Р. В. Светлов*

**«ИСОНОМИЯ» И «БЕЗРАЗЛИЧИЕ»:
О ПЕРЕВОДЕ А. Н. ЕГУНОВЫМ
ОПИСАНИЯ «ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКА»
В VIII КНИГЕ ПЛАТОНОВСКОГО «ГОСУДАРСТВА»****

Статья посвящена специфике перевода А. Н. Егуновым политического термина «ἰσωνομία» в VIII книге «Государства» (561e). Вопреки прямому смыслу этого термина, обозначающего равнозаконие или равноправие и считавшегося одним из необходимых атрибутов демократии, Егунов понимает его как безразличие. Мы считаем, что причиной этого является не ошибка или «авторская слепота». Перевод Егунова позволяет увидеть психологический подтекст природы демократического человека (в его трактовке Платоном). Глубинное безразличие в некотором смысле является основной характеристикой децентрализованного демократического индивида. По Платону, это свойство человека будет одной из причин перехода от демократии к тирании.

Ключевые слова: Платон, «Государство», А. Н. Егунов, демократический человек, исономия.

R. Svetlov

«ISONOMY» AND «INDIFFERENCE»:

*ABOUT A. N. EGUNOV'S TRANSLATION OF THE DESCRIPTION
OF A «DEMOCRATIC MAN» IN THE VIII BOOK OF PLATO'S «REPUBLIC»*

The article is devoted to the specifics of A. N. Egunov's translation of the political term «ἰσωνομία» in the VIII book of the Republic (561e). Contrary to the direct meaning of this term, denoting equality (which was considered one of the necessary attributes of democracy), Egunov understands it as indifference. We believe that the reason for this is not a mistake or

---

* Светлов Роман Викторович, доктор филос. наук, проф., директор Высшей школы философии, истории и социальных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта; RSvetlov@kantiana.ru

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22–28–00671, <https://rscf.ru/project/22-28-00671/>, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

«author's blindness». Egunov's translation allows us to see the psychological subtext of the nature of a democratic person (as interpreted by Plato). Deep indifference in this place is the main characteristic of a decentralized democratic individual. This human trait will be one of the reasons for the transition from democracy to tyranny.

Keywords: Plato, «Republic», A. N. Egunov, democratic man, isonomy.

Андрей Николаевич Егунов, выдающийся переводчик с древнегреческого, исследователь европейской словесности, писатель и поэт, оставил после себя достаточно обширное наследие, важной частью которого является его работа с текстами Платона. Мы коснемся только одного слова в переводе Егуновым платоновского «Государства», переводе талантливым и глубоким. Однако даже в таких переводах есть места, требующие особенного толкования, которое позволит понять замысел переводчика, как и, возможно, замысел автора оригинала.

В VIII книге диалога, практически в самом завершении описания демократического человека, изобразив последнего как того, кто свободно обращается к самым разным видам деятельности, как и к самым разным удовольствиям, Сократ говорит о нем следующее: «В его жизни нет порядка, в ней не царит необходимость; приятной, вольной и блаженной называет он эту жизнь и как таковой все время ею и пользуется». На что его собеседник, Адимант, отвечает: «Ты отлично показал уклад жизни человека, которому все безразлично» (пер. А. Н. Егунова) [11, с. 378].

Речь идет о последней фразе. В оригинале она выглядит следующим образом: «*παντάλασιν, ἢ δ' ὅς, διελήλυθας βίον ἰσωνοῦσκόυ τίνος ἀνδρός*» (561e). Понятие «исономия» Егуновым было передано через «безразличие», хотя для греческого сознания этот термин входил в знаменитую «демократическую» триаду: исегория — право на публичное выражение своей позиции, исополития — право избирать и быть избранным и исономия — то есть равенство закона для всех.

В издании 1994 года перевод Егунова был подкорректирован. Теперь фраза звучала так: «Ты отлично показал уклад жизни свободного человека в условиях равноправия» [12, с. 349]. В издании, которое готовили совместно Олег Абышко и издательство СПбГУ, сохранилась редакция 1971 года, принадлежавшая Егунову [13, с. 411].

Корректировка 1994 года выглядит оправданной по той причине, что исономия в греческом политико-правовом языке действительно означала равноправие. В качестве самого очевидного примера можно привести известное место из «Истории» Геродота, который устами перса Отана произносит просто-таки гимн демократии: «...народное правление по сравнению со всеми остальными имеет преимущество хотя бы благодаря прекрасному своему имени — исономия» (Hdt. Hist. II. 80). О природе и границах равноправия в античном рабовладельческом полисе написано так много, что едва ли есть необходимость перечислять бесчисленную литературу. Отметим, пожалуй, лишь недавнюю книгу японского ученого Кодзио Каратани, где дается описание типов греческой демократии, порожденных торгово-промышленными (в случае городов Ионии — Милета и т. д.) и военными (Афины) надобностями. С точки зрения Каратани, исономия в подлинном смысле этого слова существовала

только в Ионии. В Афинах же демократия родилась как режим правления вооруженных земледельцев (“warrior-farmer class”), что наложило отпечаток на всю последующую историю Афинской державы: как внутреннюю политику, так и империализм в политике внешней [3, p. 22]. Описание Платоном перехода к демократии от олигархического общества в таком случае должно напоминать то, как исономия складывалась в ионийских городах. Впрочем, есть важное уточнение, связанное с Фукидидом, — важное и с точки зрения понимания текста Платона, и с точки зрения слова, которое выбрал А. Н. Егунов, для передачи образа жизни человека, наслаждающегося равнозаконием.

Но об этом уточнении поговорим чуть ниже, пока же посмотрим, как данное место трактуется другими переводчиками. Если говорить о западной традиции, то там практически всегда речь идет о равенстве и равноправии. Вот как перевел это место П. Шори: ““That is a perfect description,” he said, “of a devotee of equality”» [8, 303]. Ф. Корнфорд добавляет к равенству свободу: “That well describes the life of one whose motto in liberty and equality” [2, p. 280]. О единых правах для всех в своем переводе пишет Р. Ларсон: “A perfect description of the man who grants equal rights to everything” [4, p. 220]. Классический перевод на немецкий, принадлежащий Отто Апельту звучит так: „Da hast du in der Tat das Leben eines Mannes geschildert, der für Gleichberechtigung schwärmt“ [5, S. 337]. И здесь речь идет о человеке, одержимом равенством. Робер Бакку также видит здесь именно равенство: «Tu as parfaitement décrit, dit-il, la vie d'un ami de e l'égalité» [6, p. 309].

Можно на этом остановиться: «мейнстрим» понимания данного места в европейской переводческой традиции вполне понятен и вытекает из прямого значения термина «исономия», что подтверждается и коррекциями в отечественном издании 1994 года. Однако Егунову был свойственен вдумчивый подход к переводу и к выбору терминологии, которая должны была передать мысль и стиль Платона. Это видно, в частности, из его «Заметок к переводам Платона», хранящихся в личном архиве Сомских, первый фрагмент из которых публикуется в ближайшем номере «Платоновских исследований» [14]. «Безразличие» в его тексте появилось явно неслучайно.

Вернемся на полтора столетия назад. Перевод русский язык «Государства», принадлежащий В. Н. Карпову, гласит следующее: «Без сомнения, сказал он; ты описал жизнь какого-то человека равнозаконного (индифферентиста)» [10, с. 426]. «Индифферентист», устаревшее в наше время слова, взятое в скобки, показывает, что, Карпов все-таки сомневался в правильности буквальной передачи «исономии» в этом месте. Ему требовалось пояснение, которое показывало бы смысловую интонацию, присутствующую у Платона.

О чем, собственно, говорит выше Платон, когда описывает «демократического человека»? Философ, как известно, развивает в «Государстве» свою типологию видов государственного строя через рассказ о деградации доселе идеальной души, каждая из последовательных ступеней которой соответствует определенному политическому режиму. Обратим внимание, что составляющие элементы души (всего их насчитывается пять — в соответствии с видами политических режимов) находятся в конкуренции друг с другом, но не в сотрудничестве во имя «максимального блага всех». Такое сотрудничество

было возможно лишь в Каллиполисе, в случае же «реальных» политий оно оказывается невозможно. Человек как носитель психического самосознания и как участник политических процессов в «последидеальных» государственных образованиях, оказывается децентрализован. Если аристократия связана с властью разума, а тимократия — пылкой части души, то последующие виды режимов имеют отношение к низшим, «вождедующим» сторонам человека: олигархия — это стремление к стяжанию, демократия — к безответственной свободе, а тирания — к власти [Срв. 1, 352].

Вернемся к анонсированному нами выше уточнению, связанному с Фукидидом. Многие места в платоновском «Государстве» представляют собой реплики на определенные нарративы, присутствующие в тексте Фукидида. Это касается и описания демократического человека. Фукидид вкладывает в уста Перикла знаменитую речь, посвященную первым павшим на Пелопоннесской войне (Thuc. II. 35–46). Именно там содержится развернутая характеристика афинского строя, а также утверждение, что Афины превратились в образец воспитания для всей Эллады. Не занимаясь тренингом военного дела, но благодаря врожденному личному мужеству, афиняне превосходят всех, даже спартанцев, на войне. Не совершенствуя свои политические знания, они способны заниматься делами частными и общественными. Они терпимы к личным склонностям соседей, соблюдают законы из уважения к ним, а не из страха. Город наполнен благами со всего мира; для отдохновения граждан предназначены многочисленные развлечения и праздники, а также комфортные и красивые дома, в которых живут афиняне. Сила афинян настолько велика, что в течение трех поколений они построили невиданную доселе державу. Именно сила и позволяет пользоваться всеми благами, проистекающими из равных возможностей. Таким образом, перед нами все-таки исономия, но своеобразная. Основой равенства становится сила, но это равенство избранных — для жителей Афин. Этот, как сейчас бы сказали, «националистический» панегирик Перикла своему городу был развенчан Платоном и в мифе о пещере (который является жесткой критикой афинской культуры), и в описании демократического человека.

Равнозаконие, согласно Платону, это лишь внешнее проявление «бессознательного» демократического человека, который хочет иметь равный доступ ко всему. За ним стоит установление равенства между наслаждениями, которые, в случае демократического человека, не имеют никакой иерархии и субординации друг с другом. На это обращают внимание практически все исследователи данного текста. Вот что пишет по этому поводу Ст. Розен: для описываемого Платоном демократа «все формы жизни оказываются равно хороши, а это, в свою очередь, есть результат распушенности, выражающейся в... легкомысленной снисходительности ко всему. Демократ, защищающий равенство удовольствий, представлен как простодушное существо» [7, р. 231]. В книге, посвященной единству платоновского «Государства» Д. Бугай отмечает: «Быстрый переход от одного к другому, смена образов жизни, своего рода разорванность демократического сознания, описанные Платоном на полстранички греческого текста, напоминают блестящие и глубокие страницы Дидро в «Племяннике Рамо» и отчасти первую главу «Евгения Онегина»» [9, с. 271–372].

Политическое равнозаконие легализует демократический тип пользования удовольствиями — вот основная идея Платона. Это приводит к пестроте и самому государству, которое оказывается не единым, но постоянно меняющимся, и к разнообразию жизни его граждан. Однако отсутствие субординации между удовольствиями чревато тем, что вся эта пестрота и разнообразие скрывают под собой пустоту и отсутствие силы, которая была свойственна предшествующим формам государственного строя. И это становится одной из главных причин смены демократического правления на тираническое.

В этой связи исономическому человеку, как его изображает Платон, действительно не важно, к какой конкретно деятельности и сопутствующему ей удовольствию обращаться. Несколько выше обсуждаемой нами цитаты Сократ говорит о том, что в жизни демократического человека «установится какое-то равновесие желаний ($\epsilon\iota\varsigma\ \tau\omicron\upsilon\upsilon\upsilon\ \delta\eta\ \tau\iota\ \kappa\alpha\tau\alpha\sigma\tau\acute{\eta}\sigma\alpha\varsigma\ \tau\alpha\varsigma\ \eta\delta\upsilon\nu\acute{\alpha}\varsigma\ \delta\iota\acute{\alpha}\upsilon\epsilon\iota$): всякий раз он будет подчиняться тому из них, которое ему словно досталось по жребию, пока не удовлетворит его полностью, а уж затем другому желанию, причем ни одного он не отвергнет, но все будет питать поровну» (Rep. 561b, пер. А. Н. Егунова). «Равновесие желаний» — это децентрализация жизненных стратегий, за которой стоит безразличие ко всему. Случайность выбора предмета желания обесценивает происходящее, но платоновский демократический человек и не озабочен выбором ценностей. Выражаясь более современным языком, такой человек не обретает субъектности, но является объектом для любого внешнего стимула.

В связи с этим понятие «исономии» у Платона не только маркирует специфику политического строя, который он разбирает в связи с описанием демократического человека. Оно касается самого такого индивида. И в этом случае оно вполне может описывать состояние, в котором тот бросается от одного порыва к другому. Приобретая не столько политическую, сколько психологическую семантику, «исономия» вполне может подразумевать глубинное безразличие — как характерную черту демократической души. И тогда становится понятно, почему А. Н. Егунов перевел это место не буквально.

ЛИТЕРАТУРА

1. Blossner N. The City-Soul Analogy. The Cambridge Companion to Plato's Republic. — Cambridge University Press, 2007. P. 165–201.
2. Cornford F. M. The Republic of Plato. — New York & London: Oxford University Press, 1941.
3. Karatani K. Isonomia and the origins of philosophy. — Duke University Press, 2017.
4. Plato. The Republic / Transl. and ed. by Raymond Larson. — Wheeling: Harlan Davidson, 1979.
5. Platon. Der Staat. Über das Gerechte / Übersetzt und erläutert von Otto Apelt Felix. — Meiner Verlag GmbH, Hamburg 1989.
6. Platon. Oeuvres complètes. La République. Traduction nouvelle avec introduction et notes par Robert Baccou. — Paris, 1936.
7. Rosen S. Plato's Republic. A Study. — New Haven & London: Yale University Press, 2005.

8. The Republic of Plato: In 2 vols. / with an English translation by Paul Shorey. — Vol. London: Harvard University Press, 1935. — P. 303.
9. Бугай Д. В. Единство платоновского «Государства». — М.: Издатель Воробьев А. В., 2016.
10. Платон. Сочинения в 6 частях / Перевод и объяснения В. Н. Карпова. — Часть 3. — СПб., 1863.
11. Платон. Сочинения в 3 томах. — Т. 3. — М., 1971.
12. Платон. Сочинения в 3 томах. — Т. 3, ч. 1. — М., 1994.
13. Платон. Собрание сочинений в 4 томах. — Т. 3, ч. 1. — СПб., 2007.
14. Светлов Р., Минак В. А. Н. Егунов как переводчик Платона // Платоновские исследования. — Т. 2 (17). — М.; СПб.: РГГУ — РХГА, 2022. — С. 199–218.